

Понятие административных барьеров в предпринимательской деятельности: анализ теории и судебной практики (Е.М. Туманова, журнал "Законодательство", N 7, июль 2022 г.)

Е.М. Туманова,
аспирантка Национального исследовательского
университета "Высшая школа экономики"

Журнал "Законодательство", N 7, июль 2022 г., с. 42-50.

Вопросы преодоления административных барьеров относятся к числу наиболее актуальных для бизнеса. Между тем в научной литературе и на практике понятие административного барьера изучено недостаточно полно. Отечественная теория права под административными барьерами понимает избыточное правовое регулирование, а также вызванные разными причинами недостатки такого регулирования, затрудняющие реализацию прав граждан и юридических лиц*(1). Некоторые исследователи отмечают неразрывную связь административных барьеров и административных процедур, рассматривая их как частное и общее*(2). Есть также мнение о том, что барьеры возникают именно в рамках административных процедур, процесс осуществления которых является непосредственным правоприменением*(3).

Существует несколько научных классификаций административных барьеров. В качестве критериев используются сфера регулирования, этап той или иной деятельности, конкретные проявления административных барьеров. Так, на разных стадиях ведения предпринимательской деятельности выделяются административные барьеры, связанные:

- со входом предпринимателей на рынок (лицензирование, разрешения, регистрация, согласование проектной документации);
- с допуском товаров (услуг) на рынки (разрешения, сертификация, маркирование, паспортизация);
- с проведением государственного контроля (надзора) (делопроизводство, многочисленные формы обязательной отчетности);
- с перерегистрацией или завершением предпринимательской деятельности*(4).

Тема избыточных административных барьеров в российском правовом регулировании также остается малоизученной. Отметим, что она напрямую связана с вопросами о качестве правового регулирования и способах его совершенствования.

Особое место в ряду административных барьеров занимают административные барьеры в государственном регулировании предпринимательской деятельности. Они возникают на разных этапах ведения бизнеса, в том числе при проведении государственного контроля и надзора, а также в связи с получением государственных услуг. Исследователи отмечают, что устранение административных барьеров в правовом регулировании предпринимательства могло бы существенно ускорить развитие экономики страны*(5).

В действующем законодательстве Российской Федерации нет дефиниции административного барьера в предпринимательской деятельности (равно как и административного барьера безотносительно конкретной сферы правового регулирования). Несмотря на отсутствие нормативно установленного термина, указанное понятие активно используется в подзаконных актах (программных документах, в частности "дорожных картах"*(6), и стратегических документах*(7)), а также часто встречается в судебной практике.

Судебное толкование понятия административного барьера, безусловно, очень важно для повышения качества регулирования. Причина в том, что именно в процессе судебного разбирательства предприниматели имеют непосредственную возможность указать на конкретные несовершенства правового регулирования, с которыми они столкнулись и которые, по их мнению,

следует квалифицировать как административные барьеры. В подобных случаях судебное толкование термина "административный барьер" позволяет оценить правильность позиции предпринимателя в споре и сделать вывод о наличии или отсутствии административного барьера, на существование которого указывает сторона судебного процесса.

С учетом важности данного аспекта проблемы в настоящей работе исследуются особенности судебного толкования термина "административный барьер" при рассмотрении споров, вытекающих из предпринимательской деятельности.

С 1 января 2015 г. по настоящее время Конституционный Суд РФ (далее также - КС РФ) принял всего один судебный акт, содержащий термин "административный барьер"*⁽⁸⁾. Верховный Суд РФ (далее также - ВС РФ) - тридцать три таких акта*⁽⁹⁾. Суд по интеллектуальным правам (далее - СИП) вынес три акта, в которых встречается указанный термин*⁽¹⁰⁾.

Анализ этих судебных актов свидетельствует о том, что термин "административный барьер" в большинстве случаев использовался стороной спора, а не судьей, рассматривавшим дело. В значительной части дел заявители ссылались на создание тем или иным подзаконным актом административного барьера как на основание для отмены такого акта. В некоторых случаях стороны указывали на наличие административного барьера как на препятствие для реализации своего субъективного права (например, права на доступ к правосудию). Как правило, перечисленные доводы являлись не основным, а дополнительным обоснованием процессуальной позиции стороны. Вероятно, вследствие этого суды во многих случаях вообще не дают оценки доводам о наличии административного барьера.

Когда суды все же исследуют доводы сторон о существовании административного барьера, они обычно не приводят в мотивировочной части судебного акта собственное понимание данного термина, не описывают присущие этому явлению признаки. Тем не менее даже отсутствие предварительного исследования вопроса о сущности этого правового явления не мешает судам сделать вывод о наличии или отсутствии административного барьера в правовом регулировании. В связи с этим подобный вывод часто бывает недостаточно аргументирован.

По мнению специалистов в сфере процессуального права, судебная аргументация служит вынесению не просто законного, обоснованного и справедливого решения, но и вердикта, который отличается ясностью и убедительностью. Он должен быть понятен как сторонам процесса, так и публике, которая на основании этого документа оценивает, свершилось ли правосудие*⁽¹¹⁾. Применительно к теме настоящей публикации очевидно, что отсутствие достаточной аргументации судебных актов по вопросу наличия или отсутствия административного барьера затрудняет понимание логики суда, которая легла в основу соответствующего вывода. Одно из последствий такой ситуации - сложность обобщения и дальнейшего использования судебной практики по соответствующим вопросам. В ситуации, когда не до конца ясен подход суда при квалификации того или иного явления как административного барьера, сложно оценить перспективы судебного оспаривания, например, нормативных актов, содержащих сходное регулирование. На теоретическом уровне недостаточная аргументированность судебных актов не позволяет дать объективную оценку качества правового регулирования.

Примером недостаточной аргументированности вывода суда может служить упомянутое нами ранее единственное дело, рассмотренное в исследуемый период Конституционным Судом РФ*⁽¹²⁾. Исследовался вопрос о наличии административного барьера в нормах законодательства, регулирующего оборот земельных участков, относящихся к землям лесного фонда. По мнению заявителей, нормы Лесного кодекса РФ устанавливали дополнительные административные барьеры, поскольку налагали на арендатора земельного участка обязанность предварительно согласовать передачу его в субаренду юридическому лицу, созданному в процессе реорганизации в форме выделения из состава юридического лица (арендатора лесного участка).

Конституционный Суд РФ отказал в принятии жалобы к производству, посчитав ее недопустимой, поскольку оспариваемые положения не были применены в конкретном деле заявителей. Дело в том, что заявители до подачи жалобы в КС РФ обращались в Верховный Суд РФ в связи с теми же обстоятельствами в рамках дела об оспаривании Порядка выдачи арендатору лесного участка согласия на передачу арендованного лесного участка в субаренду или на иное

распоряжение арендными правами*(13).

Верховный Суд РФ рассмотрел дело и пришел к выводу о том, что оспариваемый порядок не нарушает права заявителей и не устанавливает административного барьера, поскольку согласование передачи прав и обязанностей по договору аренды другому арендатору при выделении из состава юридического лица одного или нескольких юридических лиц, являясь по своей юридической природе формой перенайма, не может расцениваться как возложение дополнительной обязанности на субъектов предпринимательской деятельности*(14).

Полагаем, что в данном деле ВС РФ несколько формально подошел к оценке доводов заявителей. Само по себе указание на юридическую природу явления не может в данном случае служить достаточной мотивировкой позиции суда. Для правоприменительной практики было бы полезнее, если бы суд указал характерные признаки административного барьера, отдельные маркеры его наличия. Поскольку в формировании единства судебной практики Верховный Суд РФ играет особую роль, которая подчеркивается исследователями процессуального права*(15), аргументированность принимаемых им судебных актов приобретает огромное значение.

Представляется целесообразным, чтобы при изучении вопроса о наличии или отсутствии административного барьера, если на его существование прямо указывает участник предпринимательской деятельности, суды исследовали особенности правового регулирования конкретной сферы, в рамках которой предполагается наличие барьера, оценивали административную нагрузку на предпринимателей и, исходя из данных факторов, - разумность оспариваемой нормы. В частности, подобный механизм используется Федеральной антимонопольной службой при определении барьеров входа на товарные рынки согласно Порядку проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке (далее - Порядок анализа состояния конкуренции)*(16).

Указанный Порядок в п. 8.1 устанавливает обязанность ФАС РФ не только выявить наличие (или отсутствие) входных барьеров на конкретном товарном рынке, но и определить преодолимость выявленных барьеров как отдельного критерия оценки правового регулирования в этой части. В пункте 8.4 Порядка анализа состояния конкуренции устанавливается конкретный критерий преодолимости барьера, который сформулирован как соотношение затрат на преодоление входных барьеров на конкретном товарном рынке к прибыли, которую получит субъект от входа на этот рынок. Данная норма позволяет на практике давать оценку качества правового регулирования.

Помимо барьеров при входе на товарный рынок существуют и иные административные барьеры на других этапах предпринимательской деятельности, касающиеся допуска товаров, осуществления контроля и надзора и т.д. Поскольку выявление административных барьеров непосредственно не относится к компетенции Федеральной антимонопольной службы, для их устранения предприниматели вынуждены обращаться в суды. Далеко не все предприниматели имеют достаточные ресурсы на иные, кроме судебных споров и обращений в государственные органы, способы привлечения внимания государства к выявленным ими проблемам правового регулирования. Однако суды не всегда оказывают содействие в вопросах выявления излишних административных барьеров.

Следует отметить, что в некоторых случаях мотивировка судебных актов в части отнесения явлений к административным барьерам все же заслуживает внимания. Так, в одном из дел, рассмотренных Верховным Судом РФ*(17), административный истец посчитал, что письмо, изданное ФАС России для разъяснения действующего законодательства, приводит к созданию заказчиками искусственных барьеров при покупке товара в нарушение принципов обеспечения конкуренции. Верховный Суд РФ, исследовав обстоятельства спора, решил:

- что это письмо издано в целях защиты права участника закупки и исключения возможности злоупотреблений со стороны заказчиков при покупке работ либо услуг;
- положения письма не являются нормативными предписаниями, не содержат каких-либо общеобязательных правил поведения для неопределенного круга лиц;
- письмо не является нормативным правовым актом, а содержащиеся в нем рекомендации не выходят за рамки адекватного толкования положений действующего законодательства и не влекут изменения правового регулирования соответствующих отношений.

Несмотря на то что Верховный Суд РФ не привел собственного толкования термина "административный барьер", он выделил те признаки, которые, по его мнению, позволяют говорить о наличии такого барьера. Особенно интересными являются критерии создания условий для злоупотреблений, а также нормативный характер акта, устанавливающего барьер. Так, наличие условий для злоупотреблений действительно может являться признаком излишнего административного барьера, поскольку относится к дефектам правового регулирования и приводит к искажению смысла административных процедур. Напротив, нормативный характер правового акта как обязательный признак административного барьера представляется спорным критерием. В теории административного права существует мнение о том, что административные барьеры в предпринимательской деятельности могут устанавливаться как в нормативных, так и в ненормативных актах*(18).

В актах ВС РФ встречаются упоминания о еще нескольких проблемах, связанных с выявлением административного барьера. Так, судьи порой заменяют процесс исследования сферы регулирования на оценку соответствия тех или иных норм критерию непреодолимости барьера для предпринимателя. Суть критерия в следующем: по мнению судов, административным барьером является лишь такой дефект регулирования, который не может быть преодолен лицом самостоятельно.

Проблема состоит в том, что суды, вероятно в силу загруженности или сложности получения релевантных данных, не исследуют роль административного барьера в регулировании той или иной сферы. Они ограничиваются проверкой наличия объективной возможности преодоления административного барьера. Если такая возможность есть, констатируется отсутствие административного барьера. Если возможности нет, признается существование барьера.

При таком подходе не принимается во внимание, что даже преодолимый административный барьер требует от участников предпринимательской деятельности определенных затрат (финансовых, временных и т.д.). Кроме того, не учитывается комплексный эффект существования нескольких административных барьеров в той или иной сфере регулирования. Чем больше таких барьеров существует, тем сложнее вести предпринимательскую деятельность.

Представляется, что более эффективным для совершенствования правового регулирования был бы подход, в рамках которого критерий преодолимости административного барьера использовался бы лишь как один из способов установления его наличия или отсутствия. По нашему мнению, при комплексной оценке правового регулирования возрастает вероятность объективной оценки его качества.

Конечно, для такой комплексной оценки качества правовых норм требуется погружение суда в конкретные материалы дела и судебную практику по данной теме, исследование теоретических взглядов на регулирование спорного вопроса. Такая оценка должна проводиться судом первой инстанции как судом, который исследует фактические обстоятельства дела и дает им правовую оценку. Однако российские судьи (особенно в арбитражных судах субъектов Федерации) очень загружены. В связи с большим числом рассматриваемых споров среднее время на исследование судьей дела составляет от 1,5 до 2,5 часов*(19). В таких обстоятельствах просто невозможно провести всестороннюю оценку правового регулирования для объективного установления наличия или отсутствия административного барьера.

Так, в апелляционном определении Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 29 ноября 2018 г. N АПЛ18-491 был сделан вывод о том, что не является административным барьером для доступа некоммерческих организаций на рынок услуг в сфере арбитража предписание п. 32 Положения о порядке создания и деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства*(20) о возможности возврата документов, представленных не в полном объеме. Основным аргументом в пользу позиции об отсутствии в данном случае административного барьера являлась ссылка на п. 33 того же Положения, предусматривающий, что отказ от дальнейшего рассмотрения документов и их возврат не являются препятствием для повторной подачи документов на рассмотрение при условии устранения оснований, вызвавших отказ.

Согласно позиции Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ, в указанном деле признаком административного барьера в регулировании будет являться создание такой ситуации,

когда лицо не может самостоятельно преодолеть препятствие и получить результат административной процедуры. Важно отметить, что сторона в этом деле указывала на противоречие нормы, устанавливающей административный барьер, положениям Федерального закона от 26 июля 2006 г. N 135-ФЗ "О защите конкуренции" (далее - Закон о защите конкуренции). Отклоняя указанный довод, суд ограничился констатацией того, что так как оспариваемые положения не устанавливают не предусмотренных законодательством Российской Федерации требований, Закону о защите конкуренции они не противоречат.

Условие невыполнимости установленных требований для признания их административным барьером было сформулировано также в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21 августа 2020 г. N 301-ЭС20-5798 по делу N А11-3900/2019. В данном споре индивидуальный предприниматель обратилась в суд с заявлением о взыскании излишне уплаченных страховых взносов. Суд первой инстанции иск удовлетворил, однако суды апелляционной и кассационной инстанций посчитали, что исковое заявление должно быть оставлено без рассмотрения в связи с несоблюдением истцом обязательного досудебного порядка урегулирования налоговых споров, и отменили решение суда первой инстанции.

Верховный Суд РФ, рассмотрев жалобу индивидуального предпринимателя, сделал вывод о том, что обязательный досудебный порядок урегулирования спора является административным барьером в области доступа к правосудию, поскольку не позволяет реализовать право на обращение в суд без предварительного внесудебного урегулирования. Кроме того, ВС РФ указал, что наличие такого барьера должно четко и однозначно следовать из законодательства и практики его применения именно в связи с тем, что он является непреодолимым обстоятельством. Таким образом, в данном случае определяющим фактором для вывода суда о наличии административного барьера стал обязательный, непреодолимый характер требования о соблюдении досудебного порядка урегулирования спора.

Допустимо ли данный подход распространить на иные случаи досудебного урегулирования споров? В частности, можно ли утверждать, что арбитражные суды вправе квалифицировать претензионный порядок, установленный ст. 5 АПК РФ, как административный барьер для доступа к правосудию?

Оценка обязательного досудебного порядка рассмотрения спора как административного барьера противоречит некоторым сложившимся в научной литературе подходам к пониманию административных барьеров как элемента административных процедур*(21). Досудебный претензионный порядок урегулирования спора к таким процедурам не относится, хотя и должен соответствовать определенным требованиям, установленным законодательством и судебной практикой.

Кроме того, претензионный порядок закреплен федеральным законом (АПК РФ), и говорить о наличии административного барьера как несоответствия между подзаконным актом и законом в данном случае нельзя. Тем не менее принятие на уровне подзаконных актов какого-либо обязательного порядка претензионного урегулирования спора, по нашему мнению, может быть квалифицировано в качестве создания административного барьера.

Для теории права и правоприменительной практики представляет интерес мнение ВС РФ о сущности природы административного барьера как фактического обстоятельства.

В теории процессуального права фактическим обстоятельством признаются жизненные факты, явления действительности, образующие фактическую основу применения права*(22). Таким образом, фактические обстоятельства - это прежде всего объективно существующие явления, к которым могут относиться, например, действия тех или иных лиц, природные явления, события и т.д.

В отечественном процессуальном праве термины "фактическое обстоятельство" и "вопрос факта" используются как синонимы*(23). При этом признается дихотомия понятий "вопрос факта" и "вопрос права"*(24). Вопрос права, как правило, понимается как правовая квалификация тех или иных фактов, процесс применения к ним норм права, а также позиций высших судов*(25).

Верховный Суд РФ в определении от 27 марта 2015 г. N 301-КГ15-3849 отметил, что "доводы УФАС по Кировской области о создании актом территориального управления

административного барьера для входа предпринимателя на товарный рынок аренды земельных участков относятся к вопросу факта". Какой-либо дополнительной мотивировки этого вывода, пояснений, в связи с чем административный барьер оценивается как фактическое обстоятельство, в указанном судебном акте не приводится.

Данная позиция представляется спорной. Административные барьеры по сути своей относятся к дефектам (или особенностям) правового регулирования. Барьеры - это явление, существующее исключительно как элемент теории права, и быть реальным фактическим обстоятельством административный барьер не может. Административные барьеры - это не события и не природные явления, не действия сторон спора или иных лиц. Под административными барьерами, как правило, понимается избыточное или дефектное правовое регулирование*(26). Суд, отвечая на вопрос о наличии барьера, исследует содержание нормы права и правоприменительной практики. Следовательно, вопрос о существовании административного барьера согласно приведенной классификации относится к вопросам права, а не факта. Если бы вопрос о наличии административного барьера относился к вопросам факта, спор о признании недействительными правовых актов в связи с установлением ими не предусмотренных законодательством барьеров не мог бы быть предметом судебного разбирательства, ведь в таком случае отсутствовал бы спор о праве. Спор о праве можно определить как формально признанное разногласие между субъектами гражданского права, возникшее по факту нарушения или оспаривания субъективных прав одной стороны гражданского правоотношения другой стороной*(27).

Если согласиться с мнением о сущности административного барьера как фактического обстоятельства, то для установления его наличия не понадобится толкование права - будет достаточно доказательств его наличия. В этом практическая разница в вопросах разграничения вопросов факта и вопросов права.

Важно отметить, что позиция Верховного Суда РФ в указанном деле прямо противоречит его же выводу, изложенному при рассмотрении упомянутого нами ранее дела N АКП20-959 об оспаривании письма Федеральной антимонопольной службы*(28). В последнем споре суд однозначно выделил в качестве одного из квалифицирующих признаков административного барьера его нормативность. Налицо серьезная проблема единства судебной практики по вопросу оценки правовой природы административного барьера.

Аналогичным образом - как вопрос факта - в некоторых актах оценивает административные барьеры и Суд по интеллектуальным правам. Так, в решении от 25 января 2019 г. по делу N СИП-618/2018 СИП указал, что регистрация на территории Российской Федерации сходного товарного знака с более ранней датой приоритета в отношении однородных товаров и услуг является административным барьером для правовой охраны товарного знака. В данном деле рассматривался вопрос о защите права на товарный знак от использования его другим участником оборота. В деле не поднимались вопросы о соответствии административной процедуры предъявляемым к ней требованиям или об оценке правил, установленных подзаконным актом, на предмет их противоречия требованиям закона. Суд самостоятельно квалифицировал факт существования уже охраняемого товарного знака как барьер для защиты права заявителя на товарный знак.

В данном судебном акте также затрагивается тема практики устранения административных барьеров с помощью судебного разбирательства. Суд по интеллектуальным правам посчитал, что обращение в суд является обычным для делового оборота способом устранения административных барьеров. Это полностью согласуется с нашей оценкой роли судов в процессе совершенствования законодательства. Именно обращение в суд с иском об оспаривании той или иной нормы является наиболее простым способом защиты прав предпринимателей, которые нарушаются созданием излишних административным барьером. Иные способы (например, изменение правового регулирования путем принятия закона или другого нормативно-правового акта), как правило, недоступны для большинства участников предпринимательской деятельности. В такой ситуации обращение в суд действительно становится обычным для оборота способом преодоления административного барьера.

В другом деле, рассмотренном Судом по интеллектуальным правам, сторона спора

ссылалась на то, что судебное разбирательство является административным барьером для использования ее исключительного права, так как препятствует использованию товарного знака*(29). Однако подобная позиция не согласуется с доминирующим в теории административного права взглядом на правовую природу административного барьера как на несовершенство правового регулирования. Этот вопрос требует дальнейшего исследования, так как не следует исключать возможность широкого толкования термина "административный барьер".

СИП не сделал вывод о том, что судебное разбирательство в принципе не может являться административным барьером. Однако суд посчитал, что сам по себе судебный спор, связанный с оспариванием распоряжения исключительным правом на товарный знак, не ограничивает действие исключительного права на этот товарный знак на территории Российской Федерации, а следовательно, не устанавливает административных барьеров, препятствующих использованию данного знака по смыслу ст. 1484 Гражданского кодекса РФ как самим правообладателем, так и иными лицами под его контролем*(30). При толковании приведенной позиции можно сделать вывод о том, что судебный процесс может порождать административные барьеры.

Как следует из приведенных примеров, на уровне высших судебных инстанций отсутствует единство мнений о том, что именно следует считать административным барьером. В отсутствие официальной дефиниции или общепринятого научного толкования судьи вынуждены делать ситуативные выводы и причислять те или иные явления к административным барьерам исключительно исходя из собственного понимания их правовой природы в пределах конкретного спора. Безусловно, само по себе судебское усмотрение - это неотъемлемая часть любого разбирательства, однако в данном случае приходится говорить не об усмотрении как таковом, а о пробеле в регулировании и теории права.

Таким образом, в настоящее время нет возможности выделить универсальные характеристики административного барьера, используемые судами при определении его наличия в регулировании. Подобные характеристики вырабатываются казуистично и целиком зависят от усмотрения конкретного судьи, рассматривающего дело.

К основным проблемам судебного правоприменения при оценке наличия или отсутствия административного барьера в правовом регулировании следует отнести и недостаточный уровень исследования судами правовых явлений, квалифицируемых участниками споров в качестве административных барьеров, и отсутствие единообразия в понимании правовой природы административного барьера в судебной практике, а также сложности в квалификации вопроса о наличии административного барьера в качестве вопроса факта или вопроса права.

Список источников

1. Аузан А.А., Калягин Г.В., Крючкова П.В. и др. Административные барьеры в экономике: институциональный анализ. М., 2002.
2. Агамагомедова С.А. Административные барьеры при прохождении таможенного контроля: понятие, виды и способы преодоления // Журнал российского права. 2017. N 6.
3. Административные процедуры и контроль в свете европейского опыта / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Ж. Марку. М., 2011.
4. Алексеев С.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 8: Учебники и учебные пособия. М., 2010.
5. Будылин С.Л. Вопрос права или вопрос факта? Доказывание и кассация // Вестник ФАС Уральского округа. 2014. N 2.
6. Гаджиев Х.И. Роль судебной аргументации в эволюции законодательства и правоприменения // Журнал российского права. 2020. N 9.
7. Гук П.А., Коршунова П.В. Единство судебной практики как особая ценность правосудия // Журнал российского права. 2020. N 12.
8. Дегтярев А.Н., Маликов Р.И. Институциональные факторы создания механизмов преодоления административных барьеров в развитии предпринимательства // Вестник Моск. ун-та. Серия Экономика. 2003. N 6.
9. Кожокарь И.П. О правовых дефектах и правовой дефектологии // Вестник Пермского

университета. Юридические науки. 2018. N 42.

10. Рожкова М.А. Понятие спора о праве гражданском // Журнал российского права. 2005. N 4.

*(1) Административные процедуры и контроль в свете европейского опыта / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Ж. Марку. М., 2011.

*(2) См., напр.: там же.

*(3) См.: Совершенствование государственного контроля и надзора и устранение административных барьеров в предпринимательской деятельности / Под ред. Л.К. Терещенко. М., 2011.

*(4) Дегтярев А.Н., Маликов Р.И. Институциональные факторы создания механизмов преодоления административных барьеров в развитии предпринимательства // Вестник Моск. ун-та. Серия Экономика. 2003. N 6. С. 42-58.

*(5) Аузан А.А., Калягин Г.В., Крючкова П.В. и др. Административные барьеры в экономике: институциональный анализ. М., 2002. С. 115.

*(6) См., напр.: постановление Правительства РФ от 29 сентября 2017 г. N 1184 "О порядке разработки и реализации планов мероприятий ("дорожных карт") по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации" вместе с "Положением о разработке и реализации планов мероприятий ("дорожных карт") по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы" (в ред. постановления Правительства РФ от 1 июля 2021 г. N 1107).

*(7) См., напр.: распоряжение Правительства РФ от 25 сентября 2017 г. N 2039-р "Об утверждении стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017-2023 годы".

*(8) Определение Конституционного Суда РФ от 28 января 2016 г. N 132-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью "Оглонецдрев", общества с ограниченной ответственностью "Паннильский лес" и общества с ограниченной ответственностью "Святозерское лесное хозяйство" на нарушение конституционных прав и свобод частью 2 статьи 3, статьями 8 и 9, частями 2 и 3 статьи 71, пунктом 2 части 1 статьи 83 Лесного кодекса Российской Федерации и пунктом 2 статьи 615 Гражданского кодекса Российской Федерации".

*(9) Из-за ограниченности объема статьи мы не приводим их список.

*(10) См.: решения Суда по интеллектуальным правам от 17 августа 2018 г. по делу N СИП-125/2018; от 25 января 2019 г. по делу N СИП-618/2018; постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 18 января 2019 г. N С01-1021/2018 по делу N СИП-125/2018.

*(11) Гаджиев Х.И. Роль судебной аргументации в эволюции законодательства и правоприменения // Журнал российского права. 2020. N 9. С. 91-105.

*(12) Определение Конституционного Суда РФ от 28 января 2016 г. N 132-О.

*(13) Порядок утв. приказом Министерства по природопользованию и экологии Республики Карелии от 28 мая 2012 г. N 795 в ред. от 5 июня 2014 г. (зарегистрировано Государственным правовым комитетом Республики Карелии 29 июня 2012 г.).

*(14) Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 26 ноября 2014 г. N 75-АПГ14-5 об оставлении без изменения решения Верховного Суда Республики Карелия от 28 августа 2014 г., которым было отказано в удовлетворении заявления о признании не действующим пункта 1 Порядка выдачи арендатору лесного участка согласия на передачу арендованного лесного участка в субаренду или на иное распоряжение арендными правами, утв. приказом Министерства по природопользованию и экологии Республики Карелии от 28 мая 2012 г. N 795, в части слов "передачу прав и обязанностей по договору аренды лесного участка в случае реорганизации арендатора - юридического лица в форме выделения из его состава одного или нескольких юридических лиц".

*(15) Гук П.А., Коршунова П.В. Единство судебной практики как особая ценность правосудия // Журнал российского права. 2020. N 12. С. 103-118.

*(16) См.: приказ ФАС России от 28 апреля 2010 г. N 220 "Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке" в ред. приказа ФАС России от 12 марта 2020 г. N 261/20.

*(17) Решение Верховного Суда РФ от 4 февраля 2021 г. по делу N АКП20-959.

*(18) Казаченко Г.Б., Самойленко Е.В. Некоторые административные барьеры в сфере осуществления предпринимательской деятельности: анализ судебной арбитражной практики и пути преодоления административных барьеров // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. N 11. URL: <https://center-bereg.ru/b11448.html> (здесь и далее дата обращения - 23 марта 2022 г.).

*(19) См.: Мониторинг арбитражного правосудия 2014-2018 гг. / Отв. редактор А.В. Кашанин. URL:

<https://ilr.hse.ru/data/2020/07/31/1598248857/%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B3%20%D0%B0%D1%80%D0%B1%D0%B8%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B8%D1%8F%2020.3.19.pdf>.

*(20) Положение утв. приказом Минюста России от 13 июля 2016 г. N 165 "О Совете по совершенствованию третейского разбирательства" // Официальный интернет-портал правовой информации. URL <http://publication.pravo.gov.ru/18.07.2016N0001201607180011>.

*(21) Агамагомедова С.А. Административные барьеры при прохождении таможенного контроля: понятие, виды и способы преодоления // Журнал российского права. 2017. N 6. С. 79-88.

*(22) См. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 8: Учебники и учебные пособия. М. 2010.

*(23) Будылин С.Л. Вопрос права или вопрос факта? Доказывание и кассация // Вестник ФАС Уральского округа. 2014. N 2. С. 17.

*(24) Там же.

*(25) Там же.

*(26) Кожокарь И.П. О правовых дефектах и правовой дефектологии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. N 42.

*(27) Рожкова М.А. Понятие спора о праве гражданском // Журнал российского права. 2005. N 4.

*(28) См.: решение Верховного Суда РФ от 4 февраля 2021 г. по делу N АКП20-959.

*(29) См.: решение Суда по интеллектуальным правам от 17 августа 2018 г. по делу N СИП-125/2018.

*(30) Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 18 января 2019 г. N С01-1021/2018 по делу N СИП-125/2018.